

УДК (811.341.4+811.292.1)'246.3:217

ББК 81.001.91

Т 46

Тихонова А.П.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Адыгейского государственного университета, e-mail: aza.tihonova@mail.ru*

Хаттско-хеттские билингвы как сакральный текст *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматривается протокультура носителей хаттского языка: реконструируется не столько сам язык, сколько внеязыковой мир, отраженный в языковом пространстве. Материалом исследования послужили двуязычные и одноязычные тексты ритуального характера на хаттском языке (мифы, молитвы, заклинания). В задачу исследования входит реконструкция фрагментов материальной и духовной культуры хаттов, для ее решения используется сравнительно-исторический метод. Сравнение материально соответствующих друг другу слов (корней слов) хаттского и современных абхазо-адыгских языков позволило реконструировать исходные лексические архетипы хаттского языка и установить, что основой религии хаттов – религии скотоводов и земледельцев – является поклонение богам плодородия и их умилоствление в форме жертвоприношения. Сравнительное изучение хаттского и абхазо-адыгских языков и культур имеет исключительное значение для этнической предистории Малой Азии и Северного Кавказа.

Ключевые слова:

Сакральный, экзегетический, архаический миф, антифон, молитва, бинарная оппозиция, жертвоприношение, ритуал.

Tikhonova A.P.

*Candidate of Philology, Associate Professor, English Philology Department,
Adyghe State University, e-mail: aza.tihonova@mail/ru*

Hattian-Hittite bilinguals as a sacred text

Abstract:

The protoculture of the speakers of the Hattian language is considered: it is not so much the language itself that is reconstructed, but the extra-linguistic world reflected in the linguistic data. The research material consists of bilingual and monolingual ritual texts in the Hattian language (myths, prayers, spells). The task of the study is to reconstruct fragments of the material and spiritual culture of the Hatts. To solve this problem, a comparative historical method is used. Comparison of the materially corresponding words (roots of words) of the Hattian and modern Abkhaz-Adyghe languages made it possible to reconstruct the original lexical archetypes of the Hattian language and establish that the basis of the Hattian religion – the religion of cattle-breeders and tillers – is the worship of Gods of Fertility and their propitiation in the form of sacrifice. Comparative study of the Hattian and Abkhaz-Adyghe languages and cultures has an exclusive significance for ethnic prehistory of Asia Minor and the North Caucasus.

Keywords:

Sacred, exegetic, archaic myth, antiphon, prayer, binary opposition, sacrifice, ritual.

Изучение древних языков связано с истолкованием или интерпретацией текстов. По мнению В.И. Абаева, «текст – это документ, изложенный средствами человеческого языка и содержащий ту или иную информацию» [1: 18].

При этом мы исходим из предпосылки, что каждый естественный язык представляет собой замкнутую кодовую систему, которая имеет структурную и концептуальную стороны. Структурную сторону языка мы соотносим с морфологией, концептуальную – «с упорядоченной совокупностью единиц мышления» [2: 65].

«В истолковании текста, – как полагает В.И. Абаев, – следует различать пять аспектов, которые переплетаются и взаимодействуют, поэтому их нельзя рассматривать изолированно, а только в совокупности друг с другом:

лингвистический (язык, диалект, лексика, грамматика);

филологический в узком смысле (жанр, форма, композиция, выразительные средства, поэтика...);

текстологический (история текста, критика текста);

идейно-содержательный (содержание текста, его назначение, социальная информативная функция, отраженное в нем мировоззрение);

реальный или исторический (текст как свидетельство о реалиях конкретной исторической действительности)» [1: 18 Ibid.].

Такое истолкование текста, которое учитывает не только его отдельные аспекты, но также их взаимозависимость и взаимодействие, В.И. Абаев называет комплексно-эзегетическим методом < exegete «толкование текстов» [1:18 Ibid.].

К числу древних памятников, которые настоятельно требуют комплексно-эзегетического подхода,

относятся хаттско-хеттские билингвы 3000-летней давности.

Хаттско-хеттские билингвы – свод ритуальных текстов религиозного характера и мифов.

Хаттский строительный ритуал KUB 2.2+ (CTH 725): ‘Laying the foundation stone’ ritual [*Sammeltafel*] (editions by Schuster 1974; Corti & Torri 2011).

Ритуал закладки храма KBo 37.1 (CTH 726) A temple foundation ritual (editions by Klingner 1996; Schuster 2002; Torri 2011).

Миф о боге луны, упавшем с неба KUB 28.4 (CTH 727) The Myth of the ‘Moon-god falling from the sky’ (edition by Schuster 2002).

Среди хаттских письменных документов хаттско-хеттские билингвы занимают особое место по объему и содержанию. Как тексты они представляют труднейший объект исследования. В части билингв хеттский перевод вообще отсутствует, иногда дается перевод к отсутствующей части текста на хаттском языке, видимо к той, которая была утрачена или погибла. Более того в результате многократных переписок некоторые тексты написаны новохеттским дуктусом, что затрудняет их анализ.

Антифоны (песнопения), рецитации (речитативы) и молитвы относительно небольшие по объему и характеризуются фрагментарностью: это одноязычные тексты на хаттском языке.

Так как материалом исследования послужили фрагментарные тексты в слоговой системе, в передаче хеттских писцов, для которых хаттский не является родным языком, мы, фактически, имеем дело с хеттской версией хаттского языка, которая не лишена ошибок.

Архаический миф, по определению И.М. Дьяконова, представляет «связанную интерпретацию процессов мира, организующую

восприятие их человеком в условиях отсутствия абстрактных (непредметных) понятий», в результате чего создается мифологическая картина мира [3: 41].

По В.Н. Топорову, миф есть осмысление действительности многими поколениями людей как неуклонное воспроизведение традиции, основанной на преемственности этой традиции. Передаваемое таким путем знание есть знание правил соотношения прецедента с данным актуальным событием, которое позволяет автоматизировать реакцию членов древнего социума [4: 13].

Согласно Е.М. Мелетинскому, мифопоэтическое мышление – это разновидность наглядно-образного мышления, в основе которого лежит ритуальная форма деятельности. В основе мифологических образов лежат различительные признаки как многозначные символы, соотносимые с другими символами по-разному на разных уровнях [5: 295].

Суть символов состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления. Для параллелизма объектов реальной и виртуальной действительности мифологическое сознание основывается на

ua_a,- *ašah zehar* злое (т.е. плохое) дерево

ua_a,- *ašah hamuruua* злую балку

ua_a,- *ašah teuaššine* злое окно

ua_a,- *ašah talui_i t* злую кровлю

ua_a,- *a-ziherta* спрячьте

i-štar razil-pi в темную землю
однако

ua_a,- *ašah* зло (дурное)

ua_a,- *a-ziherta* спрячьте

rip ašah злой (дурной) камень
tašteh-kazia опасайтесь класть
(не кладите)

urana kartan para в фасад царского дворца

i-ae i-mal-hip зла ему
(Табарне-царю)
не кладите.

гносеологических операциях сравнения и отождествления [6: 178]. Однако ассоциации образуются не на основе сравнения некоторых признаков или их пространственного соположения, а на основе принадлежности к тому или иному полюсу бинарной оппозиции: небо – земля, солнце – луна, вода – огонь.

Для архаичного сознания «существенно реально лишь то, что сакрально» [4: 13 Ibid], поэтому в основе всех ритуалов лежит религия, которая утверждает дуальный характер бытия: с одной стороны, человек/люди, с другой – бог/боги. Их основными семантическими дифференциальными признаками являются «земной – небесный, смертный – бессмертный» [7: 475]. Первым, кто обратил внимание на сакральный характер хеттских ритуалов, связанных с хаттской традицией, и описал их, был В.Г. Ардзинба [8: 202].

Основной темой хаттского «строительного ритуала» является оппозиция «добра» и «зла». Противопоставление «добра (того, что приносит счастье, удачу)» и «зла (того, что приносит несчастье, неудачу)» находит выражение в следующих отрывках текста «Строительного ритуала»:

i-malhip zehar доброе (т.е. хорошее) дерево

i-malhip hamuruua добрую балку

i-malhip teuaššine доброе окно

i-malhip talui_i t добрую кровлю

Tabarna katte ia Табарна-царь будет иметь

i-malhip-pi доброе же

Tabarna katte ia. Табарна-царь будет иметь

malhib hu tettah te-tah-š-ú-ul доброе, говорит, кладите внутрь
ašah-bi taš-tu-tu-ú-ta-š-ú-la злое же опасайтесь класть внутрь (не кладите)

ašah tašte-nu-ú-ua bi-e- u_i-il – «зло опасайтесь впускать в дом (не выпускайте)»;

iš-bi-e-el tašte-te-nu-u-ši – «злого человека опасайтесь впускать (не выпускайте)».

Приведенные тексты зачастую содержат глагол с запретительной, предостерегающей семантикой *tašte* «опасайтесь, бойтесь, остерегайтесь», который хетты переводили отрицанием «не». Сравните с адыгейск. *тецтэн* «пугаться, страшиться кого-чего-л.» *Ллэныггэм тецтэн* «смерти бояться».

В тексте KUB XXVIII установлено несколько сходжений с абхазским языком, таких как «слово, речь»: хатт. *alip* < *šalip* < *šál*, абх. *a-šál* «клин», адыг. *псалъэ*; «дело»: хатт. *uš*, абх. *уc*; «гнилой» хатт. *tea*, абх. *тэá*; хатт. *ie-gar-ni* «брань», абх. *агъапчанра* «браниться» (бзыбский диалект); «грубый»: хатт. *ka'ak*, абх. *а-кьáкьá*; «сын» хатт. *ba*, абх. *а-пá*; Дословный перевод фразы *tea-uš-i-gar-ni* невозможен, но из контекста ясно, что злое слово не следует употреблять, так как это всего-навсего брань.

Как видим, понятие «зла» в данном тексте подверглось аксиологизации, т.е. включению в определенную шкалу ценностей с отрицательной семантикой, что подтверждает проповедь жреца, который осуждает употребление «злого слова» *ua_a-ašah-alip*:

ua_a šha-un ua_a -ašah-alip tea-uš-i-gar-ni –

«Злое слово бога непристойно»;

ua_a -zari-un ua_a -ašah-alip tea-uš-i-gar-ni –

«Злое слово людей непристойно»;

ziian-an ua_a -ašah-alip tea-uš-i-gar-ni –

«Злое слово бога гор непристойно»;

Ka-ak-ba-ma ua_a -ašah-alip tea-uš-i-gar-ni –

«Злое слово грубых (невоспитанных) сыновей непристойно».

Наложение запрета на те или иные действия древнего социума вызывались суеверным страхом

людей земледельческого и скотоводческого общества перед силами природы, отождествляемыми с богами плодородия: богом грозы *Šaru/Taru*, богом солнца *Aštan*, богиней дождя (букв. 'небесной воды') *Baruwapša*.

Люди стремились ублажить богов с помощью жертвоприношений и магических ритуалов, в которых древний человек прибегал к помощи слова [9: 59].

Примером антифона может послужить текст, приводимый Г.З. Шустером [10: 20]. Данный текст не имеет хеттского перевода, так как хетты уже не понимали хаттский, но продолжали согласно инструкции исполнять антифоны по-хаттски (*hātīli-tu*). Существенную помощь при реконструкции праформ и содержания текста может оказать сравнение хаттских лексем с лексемами (корнями) близкородственных абхазо-адыгских языков. По словам М.И. Дьяконова, «не следует исключать того, что хаттский прямо относится к числу абхазо-адыгских языков» [11: 176]. Сравните из общих слов такие, как «баран»: хатт. *ti*, абх. *а-ты*, адыг. *тлы*; «овечья шерсть, руно»: хатт. *i-zi*, адыг. *цы*; «сычуг»: хатт. *za*, абх. *а-ца*; «сыр» хатт. *aš*, абх. *ашэ*; «голова (единица счета)» хатт. *ha/ha-bu*, каб. *хъэ-бэ*; абх. *а-хы'*; «молодой, незрелый»: хатт. *zi-na*, адыг. *цлы-нэ*; «на, возьми»: хатт. *ma*, адыгейск. *ма*, каб. *мэ*; «имеет»: хатт. *ia*, адыг. *uI* < *uIэн* «иметь»; «положить рядом»: *ra-úl* (*ra* – показатель переходности глагола), адыг. «лежать около чего-л, рядом с чем-л. *лулгын*.

С композиционной точки зрения текст распадается на две части: левую и правую: слева идет песнопение исполнительницы, справа – хоровое исполнение в форме рефрена, которое по идее должно было бы быть основано на повторении текста исполнительницы. Однако это происходит не всегда.

Исполнительница-солистка (4') [*ma*] *ua_a -u-ti-ia uu_u -u-ti-ia* – «[возьми], жертвенного барана ты имей, ты имей».

Хор певцов
(5') *uu_u-u-ti-ia* – «жертвенного барана ты имей».

Исполнительница-солистка
(6') *ma-i-zi-uu_u-u-ti-ia* – «возьми, руно жертвенного барана ты имей».

Хор певцов
(8') *ua_a-u-ti-ia* – «жертвенного барана ты имей»;
kat-ta ra-ú<->ul za-aš-ha-zi-na – «царь, положи рядом головку сычужного сыра молодого»;

(9') *uu_u-u-ti-ia* – «жертвенного барана ты имей».

Исполнительница-солистка
(10') *<ma-a-a ui_i-ú-ul-la ui_i-ú-ul-la* – «возьми, положи рядом, положи рядом».

(12') (хор) *ui_i-ú-ul-la* – «положи рядом».

(солистка-исполнительница) *ma-i-zi ui_i-ú-ul-la* – «возьми руно, положи рядом».

(13') (хор) *kat-ta ra-ú-ul-la za-aš-ha-bu-na* – «царь, положи рядом сычужного сыра головку».

Из содержания текста мы узнаем, что отношения между человеком и божеством сводятся к умилоствлению бога путем жертвоприношений, а хаттский царь не только правитель, но и главный жрец, в его обязанности входила организация коллективных жертвоприношений богам во время празднеств.

О роли богов в жизни хаттов говорится во многих мифах. В мифе «О боге луны, упавшем с неба», падение Кашку (бога луны) на землю, а точнее лунное затмение, описывается как событие, имеющее самые губительные последствия для миропорядка: оно приводит к засухе и гибели растений, что, в конечном счете, может привести к наступлению голода. Чтобы навести порядок в природе, необходимо вернуть Кашку на небо, что и делает бог Грозы Тару. Только возвращение бога луны на небо является необходимым условием плодородия земли.

Приводимый текст состоит из незавершенных фрагментов; хеттский перевод отсутствует. Однако реконструкция фрагментов с помощью хаттско-хеттской билингвы и абхазо-адыгских языков помогает понять общее содержание текста. Хаттско – абхазо-адыгские соответствия: «густой (о растительности)»: хатт. *ki-r*, адыг. *кIыр*; «участок пахотной земли, поле, пашня, грядка»: хатт. *ha-a-iš*, абх. *a-xaca*, адыгейск. *хъас(э)*, каб. *хъэс(э)*; «обуглиться»: хатт. *eš-x-li-iz-zi-I*, каб. *лыцIын*; «растение» хатт. *iz-zi*, абх. *a-цIаа*, «приплюснутый (низкорослый)»: хатт. *te-ip-ta-ag* – каб. *менIытIэн* «приплюснуть, придавить что-л. надавить на что-л.»; «поднять вверх» хатт. *(uš-ri)-ga-li-ga-iš* «подняли вверх» каб. *гъэлгэгэн (еггэлгэгэ)* «поднять вверх»; «расцветать, цвести»: хатт. *te-ip-ga-ag-x*, каб. *гъэггэн*.

22a *ha-a-ša-ah eš-ki-ri-ib ha-a-iš-mina ha-á [z* –

«Плохая негустая растительность на пашне погорела»;

23a *eš-x-li-iz-zi-i hi-na li-zi-el te-ši-i [ ] x-nu-ua* –

«земля [ ] растрескалась»;

24a *x-ah-zi-ig-zi-ua iz-zi-i te-ip-ta-ag-]ia* –

«растения низкорослые»;

25a *uš-ri-ga-li-ga-iš te-ip-ga-ag-x* –

«Его (бога луны) подняли вверх (на небо), чтобы обратно все расцвело».

На основании сравнения хаттских и абхазо-адыгских лексем нами выявлено два десятка лексических и несколько морфологических сходжений хаттского с абхазо-адыгскими языками: 1) различаются две глагольные формы запретительного наклонения: с *tašte* «опасайтесь» и отрицание *-ma-*: *i-ae i-mal-hip* «зла ему не клади» *ašah tašte-nu-ú-ua bi-e- ui_i-il* «зло опасайтесь впускать в дом»; 2) хаттский эргативный падеж в ед. ч., как и в убыхском языке, имеет окончание *-n*, во мн. ч. суффикс *-m* употребляется с огласовкой *-ma*, как в адыгских языках.

Функциональное же назначение анализируемых текстов

состоит в определении общей модели взаимоотношений хаттского социума с богами, с одной стороны, и с внешним миром – с другой. От индивидов социума требуется избегать всего, что приносит зло, а совершать только добрые деяния.

Дальнейшее исследование взаимоотношений хаттского и абхазо-адыгских языков и культур может иметь исключительно важное значение для изучения этнической предистории Малой Азии и Северного Кавказа.

Примечания:

1. Абаев В.И. Slavo-Avestica. Авеста как текст // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 18-25.
2. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. № 1. С. 65-69.
3. Дьяконов И.М. Архаические мифы востока и запада. Москва: Наука, 1990. 247 с.
4. Топоров В.Н. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. Москва: Наука, 1983. 329 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва: Наука, 1976. 407 с.
6. Пименова М.В. Принципы категоризации концептуализации мира // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. I: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. Москва: Гнозис, 2006. С. 172-186.
7. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та. Т. II. 1328 с.
8. Ардзинба В.Г. Собрание трудов. Т. I: Древняя Малая Азия: история и культура. Москва; Сухум, 2015. 415 с.
9. Тхаркахо Ю.А. Табу и культура общения у адыгов // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы Всерос. науч. конф., 27-29 мая 1998, г. Майкоп. Майкоп: Изд-во АГУ, 1998. С. 59-62.
10. Schuster H.-S. Die hattish-hethitischen Bilinguen: Einleitung, Texte und Kommentar Teil 1. Leiden: Brill, 1974. 148 S.
11. Дьяконов М.И. Хаттский (протохеттский) язык // Языки древней Передней Азии. Москва: Наука, 1967. 494 с.

References:

1. Abaev V.I. Slavo-Avestica. Avesta as text // Questions of linguistics No. 2. 1982. P.18-25.
2. Sternin I.A. Cognitive interpretation in linguo-cognitive research // Questions of cognitive linguistics. Tambov, 2004. No. 1. P. 65-69.
3. Dyakonov I.M. Archaic myths of the east and west. M.: Nauka, 1990. 247 pp.
4. Toporov V.N. Introduction to the problematic // Archaic ritual in folklore and early literary monuments. Moscow: Nauka. 1983. 329 pp.
5. Meletinsky E.M. The poetics of myth. Moscow: Nauka. 1976. 407 p.
6. Pimenova M.V. Principles of categorizing the conceptualization of the world // *Studia Linguistica Cognitiva*. Iss I. Language and Cognition: Methodological Problems and Perspectives. Moscow: Gnosis, 2006. P. 172-186.
7. Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.Vs. Indo-European language and Indo-Europeans Reconstruction and historical-typological analysis of the proto-language and protoculture. Tbilisi: Publishing house of Tbilisi University. Vol. II. 1328 pp.
8. Ardzinba V.G. Collected Works. Vol. I. Ancient Asia Minor: History and Culture. Moscow; Sukhum, 2015. 415 pp.
9. Tkharkakho Yu.A. Taboo and culture of communication among the Circassians // Actual problems of general and Circassian philology: materials of the All-Russian scient. conf., May 27-29, 1998, Maikop. Maikop: ASU Publishing house. P. 59-62.

10. Schuster H.-S. Die hattish-hethitischen Bilinguen: Einleitung, Texte und Kommentar Teil 1. Leiden: Brill, 1974. 148 S.

11. Dyakonov M.I. Hattian (Proto-Hittite) language // Languages of ancient Western Asia. Moscow: Nauka, 1967. 494 pp.